

*ГРАНЕВА Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, руководитель Чешского центра Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор 30 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1908-3665>

ФРАЗЕЛОГИЗМЫ С МЕСТОИМЕНИЕМ Я В СВЕТЕ КЛЮЧЕВЫХ ИДЕЙ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Представлен фрагмент комплексного исследования по «лексикографическому портретированию» русских личных местоимений в контексте лингвокогнитивного, коммуникативно-прагматического и лингвокультурологического подходов. Цель работы – описать семантические, стилистические и функциональные особенности русских фразеологизмов, включающих местоимение *Я* и его падежные формы, в плане выражения ключевых культурно значимых идей русской языковой картины мира. В исследовании использован метод референциального анализа местоимений, разработанный на основе идей Е.В. Падучевой. Изучаемый материал – данные русских толковых словарей, фразеологического и семантического словарей. Примеры употреблений взяты из Национального корпуса русского языка. Научная ценность работы состоит в том, что в фокусе внимания исследователей оказывается новый аспект анализа русских личных местоимений – культурная значимость фразеологизмов с местоименным компонентом *Я* в русской языковой картине мира. Показано, что фразеологизмы, содержащие местоимение *Я* и его косвенные падежные формы, имеют существенный концептуальный и оценочный потенциал в выражении культурно значимых идей и установок русской языковой картины мира, воплощая установку на эмпатию (оценку степени личной вовлеченности говорящего в ситуацию), а также представление о приоритетной ценности своего мира для говорящего. Человеческое «я» во фразеологии выступает естественным мерилем норм и ценностей, критерием отношения к явлениям окружающего мира. Работа вносит определенный вклад в теорию и практику интегрального описания языка и лингвокультурологического изучения единиц русской фразеологии. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать ее основные результаты в вузовском преподавании дисциплин лингвокультурологического цикла, в лексикографической практике составления словарей нового типа, а также в производстве лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: *русские личные местоимения, местоимение Я, фразеологизм, лексикографическое портретирование, лексикализация, субстантивация, русская языковая картина мира.*

*Адрес: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23; e-mail: irina.graneva@mail.ru

Для цитирования: Гранева И.Ю. Фразеологизмы с местоимением *Я* в свете ключевых идей русской языковой картины мира // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 42–51. DOI: 10.37482/2687-1505-V086

Введение. Настоящая статья представляет фрагмент предпринятого нами исследовательского проекта, посвященного комплексному «лексикографическому портретированию» русских личных местоимений в контексте лингвокогнитивного, коммуникативно-прагматического и лингвокультурологического подходов. В работе освещаются языковые механизмы выражения культурно значимой информации во вторичных, лексикализованных и фразеологизованных, употреблении местоимения *Я*.

Еще Н.Ю. Шведова указывала на то, что в классе местоимений «сосредоточены и абстрагированы понятия (смыслы, “идеи”) живого и неживого, личности и неличности, движения, его начала и завершения, предельности и не-предельности, частного и общего, количества, признака сущностного и приписываемого, собственности и несобственности, совокупности и раздельности, совместности и несовместности, элементарных и в то же время главных связей и зависимостей» [1, с. 8]. В частности, личные местоимения воплощают разные грани персональности – категории повышенной культурной значимости для любого естественного языка.

Современный научный арсенал когнитивной лингвистики позволяет исследователям увидеть стоящие за единицами и категориями естественного языка форматы знания о мире, системы идеалов и ценностей, речеповеденческих установок этноса [2–5]. В свою очередь, научный инструментарий лингвокультурологии дает нам возможность решать вопросы национальной и культурной обусловленности явлений языка [6–8], выступающих элементами национальной языковой картины мира [9, 10]. Указанные соображения свидетельствуют об актуальности предпринятого нами исследования.

В предыдущих исследованиях мы обосновали саму возможность изучения культурного и ценностного потенциала личных местоимений в разных условиях их речевой реализации, в т. ч. во фразеологизмах [11, 12], принимая во внимание, что именно фразеология является наиболее естественным ареалом обитания культурно значимых и национально-специфичных знаний

о мире этноса, отраженных в языке [13–15]. Крайне интересный сегмент русского фразеологического фонда в аспекте выражения ценностей «своего круга», «своего мира» – фразеологизмы с личными местоимениями, в т. ч. с интересующим нас местоимением *Я*.

Цель исследования – описать семантические, стилистические и коммуникативно-прагматические особенности русских фразеологизмов, содержащих местоимение *Я* и его падежные формы, в плане выражения ключевых культурно значимых идей русской языковой картины мира.

Методологической основой исследования выступили идеи и принципы когнитивно ориентированной теории языковой концептуализации мира [16–19], лингвокультурологического анализа языка [6, 14, 16, 20, 21] и коммуникативно-прагматического подхода к изучению местоимений [1, 22]. Непосредственным методом исследования послужил метод референциального анализа местоимений, разработанный нами на основе идей Е.В. Падучевой [22]. Материал исследования – данные русских толковых [23, 24], фразеологического [25] и семантического [26] словарей. Примеры употреблений взяты из Национального корпуса русского языка [27].

Научная ценность работы состоит в обращении внимания лингвистов на новый аспект анализа русских личных местоимений – культурную значимость фразеологизмов с местоименным компонентом «Я» в русской языковой картине мира. Практическая ценность работы заключается в возможности использовать ее основные результаты в вузовском преподавании дисциплин лингвокультурологического цикла, в лексикографической практике составления словарей нового типа на основе концепции «интегрального описания языка» академика Ю.Д. Апресяна [18], а также в производстве лингвистических экспертиз по методике, разработанной в исследованиях [28, 29].

Обзор литературы. Исследования русских личных местоимений имеют в науке о языке

уже достаточно внушительную научную традицию, восходящую еще ко временам античности [30]. Однако в основном лингвистами исследовались семантические, грамматические и функциональные особенности местоимений как класса указательных (дейктических) единиц языка. В интересующем же нас аспекте – изучения возможностей личных местоимений участвовать в языковой концептуализации мира, в выражении сложных культурно значимых смыслов – интерес ученых явственно обозначился только после работ К. Бюлера, который одним из первых обосновал саму теоретическую возможность перехода от основной (дейктической) функции личных местоимений к функции называния (номинативной) [31].

Важный вклад в изучение именно семантических свойств местоимений внесла Н.Ю. Шведова, которая четко сформулировала мысль о том, что местоимения «означают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира» [1, с. 7]. С другой стороны, богатые референциальные возможности личных местоимений в коммуникации активно изучались в конце 1980-х – начале 1990-х годов: назовем фундаментальный труд Е.В. Падучевой (1985) [22] и репрезентативную коллективную монографию «Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис» (1992) [32]. Непосредственно в контекст проблематики «языка культуры» личные местоимения вводит академик Ю.С. Степанов в своих рассуждениях о соотношении местоимения *МЫ* с идеей своего мира для говорящего в противопоставленности миру чужих, т. е. в рамках древнейшей культурной оппозиции СВОЕ ↔ ЧУЖОЕ [33].

Несмотря на то, что в современной лингвистике уже накоплен значительный опыт в исследовании семантических, коммуникативно-прагматических, референциальных и концептуальных особенностей русских личных местоимений, особенности употребления местоимения Я во фразеологизмах в плане выражения ключевых идей и ценностей русской языковой картины мира практически не

изучались. Это указывает на научную новизну предлагаемого исследования.

Фразеологизмы с местоимением Я как отражение ключевых идей русской языковой картины мира. В предыдущем исследовании [12] нами были обоснованы исходные научные принципы изучения фразеологизмов, компонентами которых выступают формы личных местоимений, как носителей культурно значимой информации, как выразителей ценностных приоритетов и регулятивно-нормативных установок этноса. В частности, мы показали, что, входя в состав устойчивых выражений языка, личные местоимения утрачивают свою исходную, дейктическую функцию (указывать на участников коммуникации) и приобретают функцию номинативную и/или экспрессивную. Фразеологизация способствует закреплению и культурной ретрансляции образов, положенных в основу фразеологизмов, делает эти выражения значимыми для этноса языковыми моделями воплощения ключевых идей и ценностей.

Изначально в самих личных местоимениях уже заложена возможность их «номинативизации», т. е. перехода от дейктической функции к номинативной, на что указывал еще К. Бюлер [31]. В работе [11] мы подробно рассмотрели языковые механизмы лексикализации личных местоимений на примере местоимения *МЫ*, а позже обосновали следующее положение: «Перед нами – своего рода дальнейший этап лексикализации, так называемая идиоматизация, или фразеологизация, при которой местоимение не только утрачивает дейктическую функцию, но вообще перестает быть самостоятельной лексической единицей, становясь выразителем особого типа значения – фразеологического, которое по природе своей отличается экспрессивно-оценочным потенциалом и повышенной способностью выражать культурно значимые смыслы» [12, с. 76].

В настоящем исследовании мы развиваем изложенные раньше идеи и конкретизируем их применительно к местоимению Я в составе фразеологизмов. Нами принято широкое понимание фразеологизмов в духе работы [34]:

к ним, помимо идиом, образованных на базе двух и более полнозначительных слов (типа *будет с меня*) [14], мы относим, с одной стороны, и «застывшие» предложно-падежные сочетания с целостной, образно-фразеологизированной семантикой (типа *по мне, у меня*), а с другой – квазипредикативные единицы, формально равные предложению, но функционально не выражающие законченной мысли (типа *Без меня меня женили*).

Применительно к цели нашего исследования важно отметить, что большинство анализируемых фразеологических единиц относятся к разговорной речи или даже к просторечию, что свидетельствует об их широкой представленности именно в обыденном сознании носителей русского языка, или, по формулировке Ю.Д. Апресяна, в «наивной» картине мира [18].

Собранный и проанализированный нами фразеологический материал продемонстрировал, что фразеологизмы на базе местоимения *Я* служат средством языкового воплощения значимого для русских людей комплекса ценностно окрашенных смыслов, которые связаны с особенной маркированностью, отмеченностью, выделенностью мира говорящего, его оценочной позиции в отношении к окружающей действительности.

Широко распространены в русской разговорной речи выражения *у меня* и *ко мне*, которые «употребляются в значении какого-либо места, где говорящий живет, работает и т. п.» [23, 24, 26]. Посредством их употребления говорящий не просто выражает нейтральную мысль о том, что он где-то живет и работает. Говорящий как бы «присваивает» себе некое пространство, задает границы своего пространства по какому-либо значимому для него параметру. Об этом свидетельствуют и примеры из Национального корпуса русского языка [27]: *Завтра у меня гости, надо их потешить – напиши мне на шпаргалке несколько анекдотов* (Е. Весник. Дарю, что помню (1997)); *Я не могла понять, в чем дело, – говорит Марина Андреевна, – но после шока вспомнила, что Федирко приходила ко мне утром того же*

дня и просила дать документы – медицинскую карту, полис и свидетельство о рождении Лоры (К. Арский. «Метровые» дети // Вечерняя Москва. 2002. 16 мая).

Дальнейшее развитие идеи значимости своего мира, своих ценностей приводит к тому, что выражение *у меня* вообще может употребляться в функции эмоционально-экспрессивной частицы, выражая самые разнообразные чувства говорящего – предупреждение, предостережение, угрозу и т. п. [23, 24, 26]: *Ты у меня, миленький, вверх тормашками полетишь!* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)).

Разговорное выражение *по мне* в значении «по моему мнению, на мой взгляд, на мой вкус» [23, 24, 26] также указывает на обозначение говорящим своих ценностных приоритетов в какой-либо значимой для него сфере: *Но это дольше и дороже. По мне так оба варианта проходят. А если он вдруг решит быть лучшим в городе плотником – только руку пожму* (Наши дети: Подростки (2004)).

Не случайно выражение *по мне* часто употребляется в метаязыковом значении, в функции вводной конструкции, что на письме отражается запятыми: [agd-ardin, nick] *Не знаю, по мне, так ее голос идеально подходит для колыбельной!* (Переписка в icq между agd-ardin и Колочий друг (17.12.2007)).

Усиление модального, метаязыкового значения для более жесткого обозначения своей позиции выражается в вариантах этого вводного слова с частицами *что* или *как* (*что по мне, как по мне*), иногда возможно даже усиленное тире интонационного типа: *И хорошо, что все-таки не потратил денег – как по мне, фильм того совершенно не стоил* (Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006–2011)); [Иван Охлобыстин] *Где я только ни катался на великах за эти годы – Вена, Мельбурн, Париж, Оттава, Нью-Йорк. Что по мне – Москва интереснее* (Форум: Горный двухподвесочный (2010)).

Причем любопытно, что выражение *по мне* обозначает не только то, что что-то подходит, пригодно для говорящего, ему по вкусу, так

сказать, в нематериальной сфере, но и указывает на физическую пригодность, совместимость чего-либо для говорящего – в значении ‘по моему размеру, росту’ [26]: *Полушубок был как раз по мне, шинеленку я скатал и ее, хлипкую, завернул еще и в брезент* (А. Азольский. Диверсант // Новый Мир. 2002. № 3–4).

Отметим также, что как для «духовного», так и для «физического» типа употребления выражения *по мне* имеется антоним – *не по мне*, имеющий два значения:

1) ‘не по моему характеру, вкусу’ [26]: *Но туда я не пойду и никогда туда не шла, потому что просить – это не по мне, я придерживаюсь других принципов, прямо противоположных* (Г.С. Зеленина. Куриная Слепота и ее обительницы // Волга. 2014. № 11–12);

2) ‘не по моему размеру, росту’ [26]: *Эта кровать не по мне – мала. Но полежать можно* (А. Иванов. За рекой, за речкой (1982)).

Еще одно выражение с *НЕ* отражает сожаление говорящего по поводу того, что нечто по тем или иным причинам не попадает в его сферу, т. е. несоответствие ожиданиям говорящего, его ценностным приоритетам. Это выражение *не про меня* в значении ‘мне этого не получить, это хорошо, но не для меня’ [26]: *Значит, ни деньги, ни секс, ни власть – эти три кита – не про меня* (М. Козаков. Актерская книга (1978–1995)).

Уже на данной стадии анализа мы можем видеть в столь семантически разных выражениях некую общую установку говорящего на выражение той или иной степени **личной вовлеченности в ситуацию**. Это проявление так называемой установки на эмпатию, которая в научной литературе признается одной из важных доминант именно русской языковой картины мира (см. об этом: [6, 20] и др.).

Примечательны в этом плане словарные толкования целого кластера выражений с «застывшей», лексикализованной падежной формой *мне* – *(Ох) уж этот (это, эти) мне кто-то-либо* («употребляется для выражения досады, опасения и т. п. при личной заинтересованности в чем-либо говорящего» [23, 26]):

Безумец думал, конечно, что он один лишь такой... – ох уж эта мне слепота! (А.А. Поступинский. Бог № 264 // Волга. 2013. № 1–2).

Дальнейший анализ продемонстрировал распространенность разговорных фразеологизмов с *Я* (*мне, меня* и т. п.), которые выражают самые разные регистры личной вовлеченности говорящего в ситуацию, самые разные интенциональные состояния говорящего:

1) ментальная реакция в модусе утверждения собственной правоты – *Я думаю* (‘Конечно! еще бы! разумеется’ [23, 26]): *У меня создалось впечатление, – как ни в чем не бывало продолжал Олег Аскольдыч, – что владыка совершенно спокоен... – Да я думаю! – фыркнули за столом. – Им-то чего беспокоиться?* (Е. Лукин. Грехи наши тяжкие (2013));

2) сильная уверенность или решительное намерение – *Не я буду* [23, 24, 26]: *Кочерга, проследив за всем, азартно ударял себя по колену: разговорю я тебя, черта! Не я буду – разговорю!* (В.М. Шапко. Время стариков // Волга. 2010. № 1–2);

3) оценка соответствия внешней ситуации некой внутренней норме – *Будет с меня / Хватит с меня* (‘(Мне) довольно, достаточно’ [23–26]): *Полистаю иногда реферативный журнал, и будет с меня, пенсионера...* (Е. Парнов. Александрийская гемма (1990));

4) оценка соответствия своего поведения некой внутренней норме – *Будь / не будь я тем-то или таким-то* («в выражениях решительного уверения» [23–26]): *Будь я промоутером, счел бы это безрассудством* (В. Борисов. Это мама. Нина Хаген взорвет бункер // Известия. 2002. 13 окт.); *Конечно, можно сказать, что я просто-напросто простудился, но не будь я так зол, простуда не перешла бы в воспаление легких* (В.Н. Кобец. Сила характера // Волга. 2012. № 7–8);

5) активное эмоциональное нежелание быть лично вовлеченным в ситуацию или иметь ответственность за что-либо – *Я не я* (*лошадь не моя*) (*простореч.* ‘Ничего не знаю, не имею никакого отношения к чему-либо’ [23–26]): *...А то просидит два часа в театре: я не я, и*

лошадь не моя, – спрашивай потом с козла молока (А.А. Кузьменков. Десятая годовщина // Волга. 2010. № 5–6).

Выражение разнообразных интенциональных состояний говорящего может сопровождаться различными эмоционально-экспрессивными реакциями, как правило, с негативной оценкой:

1) негативное эмоциональное восприятие нежелательной ситуации, «отстройка от ситуации», т. е. выражение сожаления – *Без меня меня женили* ('В мое отсутствие, без моего ведома предприняли что-либо в отношении меня, вовлекли меня во что-либо' [23–26]): *Нас никто не просил с ними ознакомиться. Это называется «без меня меня женили»* (Г. Столяров. «Без нас ничего не сделают» // Дело (Самара). 2002. 24 авг.);

2) выражение угрозы как строгого предупреждения – *Вот я тебя (его, ее, вас, их)!* [23–26]: *Иди, поливай колесо хозяйского ниссана! Вот я тебя веткой-то...* (М. Бару. Записки понаехавшего (2010));

3) выражение угрозы как обещания возмездия, наказания – *Я тебе (те, ему, ей, вам, им) / я тебя (его, ее, вас, их)* [23–26]: *Да я тебе... – Виктор Ильич замахнулся, но по пьяни не рассчитал удар – ткнул кулаком в плечо Екатерины Андреевны* (М. Трауб. Нам выходить на следующей (2011));

4) выражение замечания (иногда с повторением слов собеседника) – *Я тебе (те) дам!* [23–26]: *Нынче к вечеру такую красотку привезли! Новенькая – я те дам... Венера Милосская по сравнению с ней – так: инвалидка безрукая* (В.Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // Москва. 2004. № 11).

Таким образом, местоимение *Я* в русских фразеологизмах выступает как естественный центр мира: в рассмотренных примерах это демонстрируется выражением сильного неприятия, негативного эмоционально-экспрессивного отношения ко всему, что идет вразрез с установками говорящего.

Проанализированные выше примеры отражают случаи лексикализованного употребления

местоимения *Я* в составе фразеологизмов, когда на остаточном уровне для этого местоимения все же сохраняется местоименное значение. В соответствии с концепцией нашего исследования, лексикализацию местоимений надо отличать от их субстантивации, при которой местоимение *Я* полностью, даже на грамматическом уровне переходит в несклоняемое существительное со значением 'индивидуум, личность, сознающая себя, самосознание' (приобретая категоризацию по среднему роду и возможность определяться прилагательными).

Нами обнаружено несколько примеров фразеологизмов с субстантивированным местоимением *Я*. Подобное *Я*, чтобы отличить его от обычного местоимения, часто помещается на письме в кавычки. Эти фразеологизмы, в отличие от рассмотренных выше, имеют ярко выраженный книжный характер, потому что сложились в научном, публицистическом, философском дискурсах. Они, что вполне логично, означают разные аспекты ментальной деятельности человека или – метонимически – самого человека как носителя определенных внутренних психических или моральных характеристик:

1) *собственное «я» / свое «я»* – 'самосознание, осознание себя как личности' [23–26]: *Ни во что другое, напомню, верить невозможно, поскольку даже **собственное «я»** всегда под вопросом для уважающего себя кота и человека* (Письмо кота // Кот Шредингера. 2017. № 1–2(27–28)); *У каждого из них своя позиция, свое мнение, **свое «я»**, но как это все быстро проходит, ломается, нивелируется под гнетом обстоятельств* (А.Н. Котюсов. Идет беда // Волга. 2015. № 5–6);

2) *второе «я»* – 'духовно близкий человек, полностью совпадающий во взглядах, страстях и вкусах с говорящим или объектом речи' [26]: *А потом появилась Татьяна. Танька – мое **второе я**. У нее светлые, доведенные до состояния мелкого беса волосы и самая тонкая на курсе талия* (Е. Завершнева. Высота (2012)).

Отметим, что во фразеологизмах с субстантивированным несклоняемым Я культурно значимая идея самооценности своего мира для говорящего существенно ослабляется, т. к. здесь Я – это любой, каждый человек, а не сам по себе говорящий (субъект высказывания).

Заключение. Проанализированный материал продемонстрировал существенный концептуальный и оценочный потенциал фразеологизмов с местоимением Я в выражении культурно значимых идей и установок русской языковой картины мира. Прежде всего, это языковое воплощение установки на эмпатию (оценку степени личной вовлеченности говорящего в ситуацию), а также представления о приоритетной ценности своего мира. Человеческое «я» во фразеологии выступает

естественным мерилем норм и ценностей, критерием отношения к явлениям окружающего мира.

Разнообразие ментальных и оценочных реакций, отражаемых во вторичных, лексикализованных, фразеологизированных и субстантивированных, употреблении местоимения Я, позволяет сделать вывод о значительной «культурной разработанности» (по выражению А. Вежицкой) [6] этого понятия в русской культуре. Это, в свою очередь, очерчивает дальнейшие перспективы исследования, связанные с верификацией указанной «культурной разработанности» посредством анализа рефлексов экспрессивного окказионального словообразования на базе местоимения Я – глагола *якать*, существительных *яканье*, *ячество* и т. п.

Список литературы

1. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
2. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
3. Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.
4. Fauconnier G. *Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / ed. by T. Janssen, G. Redeker*. New York, 1999. P. 95–128.
5. Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meanings, Grammar Evolution*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 477 p.
6. Wierzbicka A. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. N. Y.: Oxford University Press, 1997. 328 p.
7. Fleischer M. *Die Semiotik des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Sprüche (an deutschem und polnischem Material)*. Bochum: N. Brockmeyer, 1991. 422 s.
8. Gümen S., Herwartz-Emden L. *Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung // Osnabrücker Jahrbuch. Frieden und Wissenschaft*. Osnabrück: Universitätsverlag Rasch, 1996. Bd. 3. S. 181–197.
9. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 544 с.*
10. Радбиль Т.Б. *Прецедентные тексты в языковой картине мира // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: сб. науч. тр. Н. Новгород: НГПУ, 1999. С. 26–34.*
11. Гранева И.Ю. *О референтном и нереферентном употреблении местоимения «мы» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–209.*
12. Гранева И.Ю. *О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов // Науч. диалог. 2017. № 12. С. 74–87.*
13. Gibbs R. W. *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 527 p.
14. Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 284 с.
15. Ковшова М.Л. *Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры*. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 453 с.

16. Sperber D., Wilson D. Beyond Speaker's Meaning // *Croat. J. Philos.* 2015. Vol. 15, № 44. P. 117–149.
17. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge: MIT Press, 2000.
18. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. 767 с.
19. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // *Рус. яз. в науч. освещении*. 2007. № 1(13). С. 239–265.
20. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // *Мир рус. слова*. 2017. № 2. С. 33–39.
21. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыlicheva Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: коллект. моногр. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
22. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.
23. *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой*. Т. 4. С–Я. М.: Рус. яз., 1988. 800 с.
24. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 17. Х–Я*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. IV с., 2126 стб.
25. *Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова*. М.: Совет. энцикл., 1967. 543 с.
26. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой*. М.: Азбуковник, 1998. Т. I. Слова указующие (Местоимения). Слова именуемые: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). XXIII, 800 с.
27. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.03.2020).
28. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 6. С. 146–149.
29. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 3(2). С. 18–21.
30. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
31. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем.; общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
32. Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В., Кибрик А.А., Красухин К.Г., Крылов С.А., Падучева Е.В., Радзиевская Т.В., Шмелев А.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина; РАН, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1992. 281 с.
33. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997. 824 с.
34. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // *Вопр. языкознания*. 1997. № 6. С. 37–48.

References

1. Shvedova N.Yu. *Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimeniy i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronoun and Meaning. The Class of Russian Pronouns and the Semantic Spaces They Present]. Moscow, 1998. 176 p.
2. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago, 1987. 614 p.
3. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites*. Stanford, 1987. 516 p.
4. Fauconnier G. Methods and Generalizations. Janssen T., Redeker G. (eds.). *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. New York, 1999, pp. 95–128.
5. Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meanings, Grammar Evolution*. Oxford, 2002. 477 p.
6. Wierzbicka A. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York, 1997. 328 p.
7. Fleischer M. *Die Semiotik des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Sprüche (an deutschem und polnischem Material)*. Bochum, 1991. 422 p.

8. Gümen S., Herwartz-Emden L. Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung. *Osnabrücker Jahrbuch. Frieden und Wissenschaft*. Osnabrück, 1996. Vol. 3, pp. 181–197.
9. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, 2005. 544 p.
10. Radbil' T.B. Pretsedentnye teksty v yazykovoy kartine mira [Precedent Texts in the Linguistic Worldview]. *Yazykovaya kartina mira v sinkhronii i diakhronii* [Linguistic Worldview in Synchrony and Diachrony]. Nizhny Novgorod, 1999, pp. 26–34.
11. Graneva I.Yu. O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya “my” [On Referential and Non-Referential Usage of the Pronoun “We”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2008, no. 4, pp. 206–209.
12. Graneva I.Yu. O kul'turnoy znachimosti russkikh lichnykh i lichno-prityazhatel'nykh mestoimений v sostave frazeologizmov [On Cultural Significance of Russian Personal and Personal-Possessive Pronouns in Phraseological Units]. *Nauchnyy dialog*, 2017, no. 12, pp. 74–87.
13. Gibbs R.W. *The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge, 1994. 527 p.
14. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, 1996. 284 p.
15. Kovshova M.L. *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Method of Linguistic Culture in Phraseology: Cultural Codes]. Moscow, 2013. 453 p.
16. Sperber D., Wilson D. Beyond Speaker's Meaning. *Croat. J. Philos.*, 2015, vol. 15, no. 44, pp. 117–149.
17. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, 2000.
18. Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, 1995. 767 p.
19. Radbil' T.B. Anomalii v sfere yazykovoy kontseptualizatsii mira [Anomalies in the Sphere of Linguistic Conceptualization of the World]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, no. 1, pp. 239–265.
20. Radbil' T.B., Ratsiburskaya L.V. Slovoobrazovatel'nye innovatsii na baze zaimstvovannykh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt [Derivative Innovations on the Basis of Adoption Elements in Modern Russian: Linguoculturological Aspect]. *Mir russkogo slova*, 2017, no. 2, pp. 33–39.
21. Radbil' T.B., Marinova E.V., Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V., Shchenikova E.V., Vinogradov S.N., Zhdanova E.A. *Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [The Russian Language in the Early 21st Century: Vocabulary, Word Formation, Grammar, Text]. Nizhny Novgorod, 2014. 325 p.
22. Paducheva E.V. *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimений)* [Utterance and Its Correlation with the Reality (Referential Aspects of Pronoun Semantics)]. Moscow, 1985. 271 p.
23. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. S–Ya. Moscow, 1988. 800 p.
24. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 17. Kh–Ya. Leningrad, 1965. IV p., 2126 cols.
25. Molotkov A.I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1967. 543 p.
26. Shvedovova N.Yu. (ed.). *Russkiy semanticheskii slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyy po klassam slov i znacheniy. T. I. Slova ukazuyushchie (Mestoimeniya). Slova imenyushchie: imena sushchestvitel'nye (Vse zhivoe. Zemlya. Kosmos)* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary Systematized by Classes of Words and Meanings. Vol. 1. The Indicating Words (Pronouns). The Naming Words: Nouns (All Living Things. Earth. Cosmos)]. Moscow, 1998. XXIII, 800 p.
27. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 15 March 2020) (in Russ.).
28. Radbil' T.B. Vyyavlenie sodержatel'nykh i rechevykh priznakov nedobrosovestnoy informatsii v ekspertnoy deyatelnosti lingvisty [Detection of Content and Speech Indicators of Dishonest Informing in Expert Activities of a Linguist]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 6, pp. 146–149.
29. Radbil' T.B., Yumatov V.A. Sposoby vyyavleniya implitsitnoy informatsii v lingvisticheskoy ekspertize [The Methods for Detection of Implicit Information in Linguistic Expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2014, no. 3, pp. 18–21.

30. Seliverstova O.N. *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in Language and Speech]. Moscow, 1988. 151 p.
31. Buehler K. *Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena, 1934. 434 p. (Russ. ed.: Byuler K. *Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funktsiya yazyka*. Moscow, 1993. 502 p.).
32. Arutyunova N.D., Bulygina T.V., Kibrik A.A., Krasukhin K.G., Krylov S.A., Paducheva E.V., Radzievskaya T.V., Shmelev A.D. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Kommunikatsiya, modal'nost', deyksis* [Human Factor in Language: Communication, Modality, Deixis]. Moscow, 1992. 281 p.
33. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. A Dictionary of Russian Culture. Studies]. Moscow, 1997. 824 p.
34. Dobrovolskiy D.O. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii (I)* [National and Cultural Specificity in Phraseology (I)]. *Voprosy yazykoznaneya*, 1997, no. 6, pp. 37–48.

DOI: 10.37482/2687-1505-V086

Irina Yu. Graneva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
 prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1908-3665> e-mail: irina.graneva@mail.ru

THE PRONOUN *YA* ('I') IN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE LIGHT OF KEY IDEAS OF THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW

This article presents a part of a comprehensive research on lexicographic portraying of Russian personal pronouns in the context of the communicative-pragmatic, linguoculturological, and cognitive linguistic approaches. The paper aimed to describe semantic, stylistic, and functional properties of Russian phraseological units containing the pronoun *ya* ('I') and its case forms in terms of representation of key culturally significant ideas of the Russian linguistic worldview. The author applied the pronoun referential analysis methodology developed on the basis of E.V. Paducheva's ideas. The material included data of Russian explanatory dictionaries as well as a semantic and a phraseological dictionary. The usage examples were extracted from the Russian National Corpus. The scientific value of this paper consists in introducing a new aspect of Russian personal pronouns analysis, namely, the cultural significance of phraseological units with the pronominal component *ya* in the Russian linguistic worldview. It is shown that phraseological units containing the pronoun *ya* and its case forms have considerable conceptual and evaluative potential for representing culturally significant ideas and attitudes of the Russian linguistic worldview. These phraseological units embody empathic attitude (estimation of the degree of a speaker's personal involvement in the situation) and the idea of primary importance of the speaker's world to him/herself. The human 'I' in phraseology is a natural measure of norms and values, a criterion of one's attitude to outward things. The paper makes a certain contribution to the theory and practice of integral description of language as well as to the linguoculturological study on Russian phraseological units. In terms of practice, the results can be used in teaching linguoculturological disciplines at universities and compiling a new type of dictionaries, as well as in forensic linguistics.

Keywords: *Russian personal pronouns, pronoun ya ('I'), phraseological unit, lexicological portraying, lexicalization, nominalization, Russian linguistic worldview.*

Поступила: 14.09.2020

Принята: 12.12.2020

Received: 14 September 2020

Accepted: 12 December 2020

For citation: Graneva I.Yu. The Pronoun *ya* ('I') in Russian Phraseological Units in the Light of Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 42–51. DOI: 10.37482/2687-1505-V086